

Лекция 7. Грамматика под углом зрения психолингвистики. Синтаксические модели и их реализация

На этой лекции мы продолжим разговор о соотношении производства и воспроизводства текста в процессе речепорождения. Но теперь я буду говорить о грамматических единицах, и прежде всего о предложении и высказывании.

Итак, первый и самый важный вопрос: насколько конкретное высказывание зависит от самого говорящего, от обстановки данного момента и насколько – от языковой системы? Иными словами, насколько высказывание оригинально или, напротив, воспроизводимо? (От этого зависят и возможности его лингвистического моделирования.) На этот счет есть две различные, можно сказать – противоположные, точки зрения. Первая может быть представлена такими цитатами.

Известный русский ученый Лев Владимирович Щерба: «Все сочетания слов нормально создаются нами в процессе речи, в результате весьма сложной игры сложного речевого механизма человека в условиях конкретной обстановки данного момента» (статья «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании»).

Замечательный русский филолог Михаил Михайлович Бахтин (1895 – 1975) более диалектичен: «Высказывание никогда не является только отражением или выражением чего-то вне его уже существующего, данного и готового. Оно всегда создает нечто до него никогда не бывшее, абсолютно новое и неповторимое. [...] Но нечто созданное всегда создается из чего-то данного...» (статья «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках»).

Крупный французский лингвист Эмиль Бенвенист (1902 – 1976): «Число предложений бесконечно. [...] Предложение – образование неопределенное, неограниченно варьирующееся; это сама жизнь языка в действии. С предложением мы покидаем область языка и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь» («Уровни лингвистического анализа», доклад на IX Международном конгрессе лингвистов).

Итак, согласно этой точке зрения, предложение – оригинальное речевое образование. Оно каждый раз производится заново, а не воспроизводится. Но есть и другая точка зрения. Рассмотрим следующие цитаты.

Уже знакомому для нас Александру Матвеевичу Пешковскому, прекрасному грамматисту и педагогу, принадлежат следующие слова: «Все мы говорим по определенным шаблонам, употребляем определенные формы сочетаний, усвоенные нами с детства вместе со словами и звуками данного языка и унаследованные нашим поколением от предшествующих поколений. Эти шаблоны [...] предносятся нашему сознанию **всегда**, о чем бы мы ни говорили и что бы ни слушали. Это наш **синтаксический багаж**, взятый нами с детства в наш жизненный путь. [...] Выдумывать особую чисто индивидуальную синтаксическую оболочку для нашей мысли, соответствующую нашему индивидуальному переживанию, мы не можем, как не можем выдумывать своих звуков, своих слов, своих значений, потому что всё это значило бы выдумывать **свой** язык, на котором ни с кем нельзя было бы объясняться» (книга «Русский синтаксис в научном освещении», 2-е изд.).

Другой крупный русский языковед, один из основателей Московской фонологической школы, Петр Саввич Кузнецов (1899 – 1968) писал: «Говорящий (или пишущий) не творит всё то, что он говорит (или пишет), каждый раз заново, а пользуется какими-то элементами, уже знакомыми ему (и его собеседнику или читателю), содержащимися в его памяти, черпает их оттуда и даже комбинирует каждый раз по каким-то уже имеющимся шаблонам» (статья «О языке и речи»).

На том же настаивал и известный чешский лингвист, один из основателей Пражского лингвистического кружка, Вилем Матезиус (1882 – 1945): «Предложение – это не продукт преходящего момента и по своему существу не может целиком определяться какой-либо ситуацией. Следовательно, предложение не принадлежит целиком речи, а связано в своей обычной форме с грамматической системой языка, к которой оно относится» (статья «О системном грамматическом анализе»).

Как видим, согласно второй точке зрения, человек создает речевые единицы по определенным синтаксическим шаблонам, образцам, моделям. Попробуем между этими полярными позициями найти некоторую золотую середину. С одной стороны, действительно, мы не можем отрицать индивидуальный и творческий («креативный») характер речи. Человек – не попугай и не граммофонная пластинка. Иногда он, открывая рот, еще не знает, что именно будет говорить!

И стимул к речевой деятельности может быть, конечно, самым разным. Одно дело – желание проинформировать, сообщить что-то своему

собеседнику. Другое дело - напугать собеседника, оттолкнуть его словами. Третье дело – попросить его о чем-то. Четвертое – похвалить собеседника, сказать ему комплимент и т.п. Об этом хорошо писал чешский лингвист Ян Корженски (Jan Kořenský). По его словам, иногда прагматический компонент высказывания (регулирующий отношения между говорящим и слушающим) важнее, чем собственно семантический компонент (отражающий отношение говорящего к объектам действительности).

И все же, с другой стороны, всё наше индивидуальное творчество происходит на фоне определенных образцов, моделей, – иначе общение будет неэффективным. Даже в ситуации крайнего волнения, аффекта человек, говорящий сумбурно, бессвязно (например: *Там! Пожар! Люди! Помогите!*), придерживается некоторых правил данного языка и использует не только заложенные в его памяти слова, но и уже готовые грамматические образцы.

Об этом очень метко сказал российский германист Владимир Григорьевич Адмони (1909 – 1993). Приведу обстоятельную цитату из его книги «Система форм речевого высказывания»: «Конечно, в бесчисленных разновидностях своих речевых проявлений высказывание может чрезвычайно далеко отойти от исходной структуры предложения. [...] Но всегда, во всех без исключения случаях, если мы остаемся в пределах человеческого языка, обнаруживаются хотя бы отдаленные связи между любыми формами речевого высказывания и типологией предложения в каждом языке. [...] Любая фрагментарность, «структурная размытость», грамматическая «алогичность» высказывания позволяют все же найти те грамматически закрепленные структуры, к которым (или к проекциям на которые) восходят все без исключения своеобразные черты спонтанной разговорной речи, вообще разговорного высказывания».

Такой взгляд на предложение отвечает пониманию грамматики как **концептуализации**. Данное определение было предложено американцем Рональдом Лангакером. Что оно означает? Человек обобщает и закрепляет опыт своей практической деятельности в форме абстрактных грамматических категорий. Это и есть категоризация или концептуализация знания: способ нашего освоения действительности. Грамматические категории позволяют человеку включить новую (отражаемую в данный момент) ситуацию в систему уже привычных знаний. Когда-то Сепир, сравнивая примеры типа *Фермер убивает утёнка* и *Человек берет цыпленка*, замечал: «Мы инстинктивно чувствуем, что оба предложения

следуют одной и той же модели, что структурно это в основном то же предложение, отличающееся только в каждом случае своим материальным наполнением» («Избранные труды по языкознанию и культурологии»).

Всё сказанное объясняет, почему в русской лингвистике в последние десятилетия укрепляется понятийное и терминологическое противопоставление **предложения** и **высказывания** (то же происходит и в других европейских языках, ср.: англ. sentence и utterance, нем. der Satz и die Aussage, чеш. věta и výpověď, пол. zdanie и wypowiedzenie и т.п.). Предложение – это языковая единица, обобщенная схема, готовая для выражения мысли. Высказывание – речевая единица, реализация предложения в конкретных условиях речевого акта. В этом смысле можно сказать, что *Фермер убивает утёнка* и *Человек берет цыпленка* – это **разные высказывания, но одно предложение**.

Причем обобщенная схема высказывания, его структурная основа – не просто придумка лингвистов, помогающая им систематизировать многообразные речевые единицы. Это реальный инструмент речевой деятельности, позволяющий человеку осмыслить, освоить ситуацию, подлежащую вербализации. Напомню слова Й.Л. Вайсгербера: «Схемы предложений во многом заранее определяют тот способ, которым формируется мысль». Данный тезис неоднократно подтверждался и другими учеными. Известный австрийский языковед и психолог Карл Бюлер (1879 – 1963) рассказывал об экспериментах, в которых испытуемых просили пересказать содержание афоризмов. Выяснилось, что «та или иная целиком или отчасти **пустая синтаксическая схема** предшествовала самой формулировке ответа и, видимо, как-то ощутимо на практике управляла речью» («Теория языка»). А следующее утверждение замечательного белорусского языковеда П.А. Бузука поворачивает к нам проблему другой стороной. Ученый писал: «Мы говорим и мыслим только предложениями. Первое слово, которым определяется начальный момент языка, и даже первоначальный жест будет уже предложением...» («Основные вопросы языкознания»). А слова уже выделяются из предложения как его составные части...

Психическая реальность предложения как обобщенной схемы находит свое выражение в таком его свойстве, как эмерджентность. Эмерджентность (от англ. emergent – ‘неожиданно появляющийся’) – целостность, наличие у системы таких качеств, которыми не обладают по отдельности составляющие ее элементы. Н.И. Жинкин среди своих

психолингвистических опытов проводил и такой. Бралось обычное высказывание (например, следующее: *Заниматься физкультурой полезно, приятно и каждому доступно – это давно доказано наукой*), «рассыпалось» на отдельные словоформы (*доступно, доказано, физкультурой, и, всякому* и т.д.) и в таком виде предлагалось испытуемым. Те должны были восстановить исходный текст. Оказалось, что успешное решение зависело от нахождения синтаксической основы. Все участники эксперимента подтверждали, что «синтаксический оборот приходил в голову сразу, как нечто целое. Время в этих опытах идет на то, чтобы, мысленно сопоставляя слова, ждать, когда «всплывет» подходящая конструкция» (из статьи «О кодовых переходах во внутренней речи»).

Итак, мы принимаем, что переход от замысла к внутренней Программе высказывания и далее, от внутренней речи к внешней, требует выбора какой-то схемы, модели: говорящий должен **упорядочить отражаемую (референтную) ситуацию**, придать ей структурную организацию.

Возьмем простой пример. Человек наблюдает за осенней природой. Он видит, как с деревьев падают на землю листья. Язык предлагает говорящему некоторые типовые «положения дел», под которые можно подвести данную референтную ситуацию. Например: «что-то перемещается (падает) откуда-то куда-то»: *Листья опадают с деревьев (на землю), Листва облетает с веток*. Но, допустим, человек по-другому видит эту ситуацию, он предпочитает другую типовую модель, вот какую: «кто-то/что-то теряет что-то». Далее эта типовая ситуация получит в речи соответствующую реализацию, в том числе лексическую. В частности, «кто/что» – это здесь может быть *лес, роща, деревья, береза...* «Теряет» – это *теряет, роняет, сбрасывает, скидывает...* «Что» именно сбрасывает – *листья, листву, наряд, убор* и т.д. И если наш условный «человек» – поэт, он может сказать, в частности:

«Роняет лес багряный свой убор...» (А.С. Пушкин).

«Как роща сбрасывает листья...» (Б. Пастернак).

«Как дерево роняет тихо листья...» (С. Есенин).

«Леса мои сбросили кроны...» (А. Вознесенский).

Понятно, что ряд цитат тут можно было бы и продолжить. Но и без того понятно: глубинный структурный образец у всех этих высказываний – один и тот же. И теперь нас интересуют следующие вопросы: как

организована эта синтаксическая модель? Что является ее основой? Чем структура высказывания отличается от структуры предложения?

Надо признаться, что идея ядерных конструкций, которые составляют **структурную основу** высказываний, пришла из генеративной грамматики. Тезис о том, что в голове у человека есть некоторое количество исходных, изначальных схем построения фраз, которые затем многократно используются в речи, получила у психолингвистов экспериментальное подтверждение. В частности, я уже упоминал об опытах, в которых испытуемым предлагались предложения, связанные отношениями трансформации, типа *Рабочие строят дом – Дом строится рабочими* или *Рабочие строят дом - Рабочие не строят дом*. Тогда же я говорил, что осознание высказываний, полученных в результате трансформации, занимает у человека больше времени (это показали американцы Дж. Миллер, потом Г. Сэвин и Э. Перчонок, потом Д. Слобин). Это свидетельствует о психологической реальности ядерных схем.

Систематизация синтаксических образцов (моделей предложения, структурных схем) была весьма актуальной и для российской лингвистики. В частности, по такому принципу построены синтаксические разделы в двух академических грамматиках, созданных под руководством Наталии Юльевны Шведовой – так называемых «Грамматике-70» и «Грамматике-80».

Но постепенно стало ясно, что выделение чисто формальных образцов (в терминах морфологических или позиционных классов слов) приносит мало пользы. Необходимо обращение к семантической стороне этих моделей, к тем типовым ситуациям, которые стоят за этими схемами. Это ознаменовало собой переход к «семантическому синтаксису», к глубинным структурам.

Выяснилось, что решающую роль в таких смысловых структурах играет **предикат** – и это вполне соответствует психолингвистическим идеям. Напомню, что, по Леонтьеву, внутренняя Программа высказывания соответствует его «содержательному ядру», а именно тем компонентам, которые связаны с предикатом. А вот как говорится об этом в современном пособии по семантике: «Предикат является главным, определяющим элементом в структуре пропозиции постольку, поскольку ситуация определяется не объектами, которые в ней участвуют, а теми отношениями, в которых они находятся» (Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000).

Попробую показать это на одном примере. Писательница Ольга Форш в своем романе «Сумасшедший корабль» иронизирует над тем, какую роль сыграло учение Иммануила Канта для мятущейся и рефлексирующей русской интеллигенции. Итак, тема известна и она воплощена в слове – это *Кант*. Но какой вид примет зарождающееся высказывание, не зависит от имени немецкого философа. Слово *Кант* будет занимать здесь разные позиции – в зависимости от того, как будет представлена типовая ситуация и какой предикат будет её в себе фокусировать. Одно дело – сказать *восхищаться Кантом*, другое – *следовать Канту*, третье – *опираться на учение Канта* и т.д. Вот как это сказано в самом романе:

«Спасаясь от внутреннего разорения, вымирающий интеллигент укрывается в честную **Кантову крепость**, плющом обвивается **вокруг Канта**, паразитирует **на Канте**».

Поскольку предикат фокусирует, концентрирует в себе всю суть ситуации, то систематизировать типовые ситуации значит то же самое, что перечислить классы предикатов. Но список этот у разных авторов сильно различается. Так, Ю.С. Степанов в книге «Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика» (М., 1981), развивая классификацию Аристотеля, выделяет 10 типов предикатов: сущность, количество, качество, отношение (соотнесение), место, время, положение, состояние, действие, претерпевание (страдание). Но эта семантическая классификация оказывается слишком грубой, общей. Поэтому у других авторов число классов предикатов больше. Например, у Юрия Дерениковича Апресяна их 17: действие, деятельность, занятие, поведение, воздействие, процесс, проявление, событие, положение в пространстве, локализация, состояние, свойство, способность, параметры, существование, отношение, интерпретация (позже это число, кажется, возросло еще больше).

Организирующая роль предиката проявляется в том, что он подразумевает определенное количество позиций, заполняемых актантами, то есть участниками ситуации. Такие синтаксические модели обладают большей, чем формальные, объяснительной силой и практической ценностью. При этом синтаксическая модель сводит референтную ситуацию к минимуму, она, опираясь на коммуникативный опыт, оставляет набор только самых необходимых «участников». Обычно это 1-2, реже 3 или 4 актанта. Скажем, для ситуации свойства достаточно одного участника: *Волосы вьются, Петя заикается*. Для ситуации локализации необходимы 2 актанта, «кто» и «где»: *Петя очутился в лесу. Лион находится во Франции*.

Конечно, в конкретном случае говорящий может обозначить любые сопутствующие факторы и обстоятельства, но они уже будут выступать в качестве распространителей модели: структурная схема компактна и эмерджентна, ей «лишнего» не надо. Тем самым мы убеждаемся, что грамматическая система конкретного языка принимает участие в формировании и выражении мысли.

Покажу это опять-таки на примере. Предикат «дружить» требует двух участников типовой ситуации: «кто дружит» и «с кем дружит»: *Петя дружит с Мишей*. Это, так сказать, стандарт мысли, закрепленный в языке. (Данные два участника могут быть представлены и в виде собирательного субъекта: *Петя и Миша дружат; Ребята дружат*.) Но, если это необходимо, мы можем уточнить обстоятельства этой дружбы. Например, сказать: *Петя дружит с Мишей с первого класса*. Или: *Ивановы и Петровы дружат семьями (домами)*. Более того, если поискать по текстам (а сегодня можно и заглянуть в интернет-источники), то мы найдем там самые разнообразные распространители, в том числе довольно неожиданные. В частности, обнаружится выражение *дружить против кого*. Приоритет на него принадлежит Фаине Раневской (это она как-то спросила перешептывающихся актрис: «Против кого дружим, девочки?»), но вот уже появилась и книга Евгения Стеблова с названием «Против кого дружите?», и в политической публицистике сочетание стало привычным.

Другой «нестандартный» распространитель для *дружить* – дополнение *о чем* (оно возникает, по-видимому, по аналогии с управлением, свойственным глаголам речи), ср.:

«Ира была девочкой неглупой, хотя **дружить** ей с Бронькой было совершенно “**не о чем**”» (Л. Улицкая. Бедные родственники).

Но все эти распространители – «как», «с какого времени», «против кого», «о чем», «для чего» и т.п. – не входят в обязательное синтаксическое окружение предиката *дружить*, не образуют состава его актантов. Типовая ситуация дружбы их не учитывает.

Попробую теперь систематизировать доказательства психологической реальности синтаксических моделей.

Во-первых, она проявляется в том, что многие конкретные высказывания строятся по принципу строгого соблюдения – не больше и не меньше! – ядерной конструкции (или, в другой терминологической парадигме, предикатно-актантной структуры). Такой речевой минимализм особенно характерен для учебной литературы на начальном этапе обучения

(буквари, разговорники). Вспомним знакомые человеку с детства фразы: *Маша ела кашу; Наша Маша мала; У Шуры шары* и т.п. А в качестве развернутого примера приведу начало произведения писателя-концептуалиста Льва Рубинштейна «Мама мыла раму»:

- (1) Мама мыла раму.
- (2) Папа купил телевизор.
- (3) Дул ветер.
- (4) Зою ужалила оса.
- (5) Саша Смирнов сломал ногу.
- (6) Боря Никитин разбил голову камнем.
- (7) Пошел дождь.
- (8) Брат дразнил брата.
- (9) Молоко убежало.
- (10) Первым словом было слово «колени».

И т.д.

Вся концептуальная ценность этого произведения основана на слепом следовании синтаксическим образцам (а также отсутствию связи между отдельными высказываниями). Пожалуй, только предложение № 6 выпадает из общего ряда: предикат *разбить* в сочетании с названием части тела требовал бы присутствия трех актанта: не только «кто» и «что», но и «кому» (*себе, Пете, соседу* и т.п.), а здесь эта позиция осталась незаполненной.

Если типовая ситуация определена, выбрана, но какой-то из ее участников неясен, не идентифицирован, то говорящему приходится заменить его название субститутном – местоимением, гиперонимом, приблизительной номинацией, ср. примеры:

«Этого публика не ждала и принялась судить и рядить, **кто, что и кому** посылает во втором ящике» (М. Шагинян. Месс-Менд).

«Помню, в детстве еще, часами, вежливо улыбаясь, сидел над неподвижным поплавком, стесняясь бестактным своим уходом огорчить... **кого? Рыбу? Поплавок?** Абсолютно непонятно» (В. Попов. Две поездки в Москву).

« – Всё равно я не могу ни с того ни с сего бить человека по физиономии.

– Так ведь не обязательно же **по этой... по морде**, -- сказал Тузик. – Можно, например, и **по этой... по заднице**» (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Улитка на склоне).

Отсутствие в высказывании необходимого «по штату» участника ситуации (то есть незаполненная позиция актанта) производит сильное впечатление на адресата. Если читающий книгу сталкивается с фразами типа *Стережет дом. Маргарита оказалась. Мы тебе желаем*, то глаза невольно ищут продолжения или объяснения.

Во-вторых, психологическая реальность моделей обнаруживает себя в примерах **синтаксического параллелизма**. Это значит, что говорящий, не имеющий, разумеется, никаких научных понятий о синтаксических структурах, нередко строит высказывание по инерции – по образцу, заданному предшествующей фразой. Иными словами, выбранная модель высказывания синтагматически предопределяет строение следующего высказывания. Чаще всего это бывает в фольклорных или поэтических текстах, но встречается (очевидно, со специальным эстетическим заданием) и в прозе, ср.:

«Дробно стучали выбивные решетки. Истошно вопили шлифовальные камни. С перекатами громыхали очистительные барабаны. Безостановочно двигались узкие ленты многих конвейеров. Люди смешно открывали беззвучные рты...» (Г. Николаева. Битва в пути).

Данная синтаксическая особенность не проходит мимо внимания стилистов. Да и психиатры обращают на нее внимание. В частности, автор «Словаря безумия» В. Руднев, критикуя роман Владимира Сорокина «Роман» за «бредовость в плане означаемого», останавливается и на синтаксисе: «Здесь интересно ярко выраженное матричное построение, которое является знаком **измененного состояния сознания** [выделено мною – Б.Н.]. В данном фрагменте первое предложение почти полностью повторяет структуру восьмого, третье – девятого, четвертое – десятого и т.д. Это повторяется на протяжении нескольких десятков страниц».

Добавлю, что синтаксический параллелизм может влиять на значение слова, приводить к тому, что весьма разные понятия отождествляются. Так происходит в следующем диалоге.

«-- Ты просто устал, -- догадалась жена. – Тебе надо отдохнуть. Сделать перерыв.

-- Как отдохнуть? Сесть и ничего не делать?

-- Поменяй обстановку. Поезжай на юг. Будешь плавать в любую погоду.

-- **Там война**, -- напомнил Месяцев.

-- В Дом композиторов.

-- Там композиторы.

-- Ну, под Москву куда-нибудь. В санаторий» (В. Токарева. Лавина).

Одинаковое устройство реплик *там война* и *там композиторы* позволяет читателю понять, что Месяцев расценивает эти две ситуации как подобные и в равной степени для него неприемлемые («композиторы – это как война»).

Еще одно, третье свидетельство психологической действенности синтаксических моделей – образование **новых высказываний по образцу известных устойчивых выражений** (здесь уже влияние наблюдается, так сказать, в парадигматическом плане). Так, в русском языке давно существовала модель высказывания, которую можно условно обозначить как «кто-то кому-то – кто-то». По ней, в частности, образована калькированная с латинского оригинала Номо homini lupus est пословица *Человек человеку волк*. Но не меньшее распространение получили в русском языке пословицы с отрицанием: *Сытый голодному не товарищ, Конный пешему не товарищ, Гусь свинье не товарищ, Медведь корове не брат, Сапог лаптю не ровня* и т.п. В последние годы появляются шуточные выражения, основанные на той же модели. Такие переделки получили название «антипословиц»; это еще одно доказательство активности прецедентных текстов, ср.:

«Сытый конному не пеший, Лысый голодному не товарищ, Мертвый голодному не товарищ, Килька осетру не товарищ, Рубль лире не товарищ, Евро баксу не товарищ, Гусман Михалкову не товарищ, Гусь товарищу не свинья» и т.п. (см.: Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб., 2005).

Каждый актант, каждая позиция синтаксической модели рассчитана на заполнение определенным кругом лексики. В этом заключается кооперация, взаимодействие лексической и грамматической семантики. Одна из самых простых интерпретаций этого взаимодействия – через понятие **изосемичности** (этот термин ввела московский синтаксист Галина Александровна Золотова). Изосемичность есть соответствие лексической семантики слова его синтаксической роли в высказывании.

В частности, для ситуации передвижения наиболее естественный субъект – живое существо, например: *Петя уехал* или *Соседи уехали*. Можно усмотреть здесь даже нечто подобное семантическому согласованию, о котором уже шла речь. В примере *Машина уехала* семантическое согласование тоже действует: машина подобна живому

существо, у нее есть мотор и т.д. А вот если мы встречаем в тексте, допустим, *Велосипеды уезжали* (это цитата из рассказа Л. Петрушевской), то в этой фразе уже чувствуется нарушение некоторых внутренних языковых предписаний. Дело в том, что в значении слова *велосипед* нет семы 'способный к самостоятельному движению'. Следовательно, перед нами метафора. Еще неожиданней в качестве субъекта движения *собор* или *площадь*, ср. пример:

«...Всё скорее, всё таинственнее **едут дома, собор, площадь, переулки**... И хотя уже давно мимо вагонного окна развёртывались поля в золотистых заплатах, Франц ещё ощущал, как **отъезжает городишко**. [...] **Город уехал**» (В. Набоков. Король, дама, валет).

Конечно, в художественной литературе, да и в разговорной речи, мы встречаем множество примеров неизосемического заполнения синтаксических позиций, например:

«Поезд набрал скорость, **стакан подъехал** к бутылке» (М. Шишкин. Венерин волос).

«**Одессу строило** хлебное зерно» (М. Шагинян. Тайна трёх букв).

«**Люстра выронила** одну из своих свечей» (В. Набоков. Приглашение на казнь).

Две тайны примеряют кружева,
Им так охота выглядеть красиво!
Одна из них пять платьев износила –
Она пять лет на свете прожила

(Д. Сухарев. Две женщины).

Понятно, что все эти высказывания рассчитаны на определенный эстетический эффект, они должны обратить на себя внимание читателя. Но в то же время они представляют собой исключение, которое подтверждает общее правило, действующее в нашем сознании. И правило это звучит так: лексическое значение слова соответствует некоторому диапазону его синтаксического использования (и наоборот).

Таким образом, мы видим, что в процессе формирования высказывания уровни языка взаимодействуют между собой. И все же у синтаксиса здесь особая роль. Заложенные в языковом сознании модели предложений позволяют человеку опознавать любую референтную ситуацию, с которой он сталкивается, и соотносить её с уже имеющимся коммуникативным и когнитивным опытом. Образно говоря, синтаксические модели – это рельсы, по которым движется поезд человеческого познания.